

Чжао Сюэхань сжал в ладони серебро, сомневаясь, не ослышался ли он.

Янь Кэ, заметив его замешательство, едва заметно нахмурился.

— Хочешь, чтобы я пошёл с тобой? — спросил он.

— Нет, не нужно! — поспешно выпалил Чжао Сюэхань.

Спрятав серебро за пазуху, он развернулся и бросился вон из комнаты, даже не оглянувшись.

Едва переступив порог, Чжао Сюэхань горько пожалел о своей поспешности. С каких это пор он стал таким трусом? Стоило Янь Кэ лишь слегка пригрозить, как он тут же сбежал, поджав хвост. А ведь он увязался за этим человеком только ради того, чтобы обучиться боевым техникам, а вовсе не для того, чтобы бесцельно слоняться по улицам.

Но возвращаться сейчас было бы слишком глупо и демонстративно. Утешив себя мыслью, что до истечения трёхдневного срока ещё есть время, Чжао Сюэхань поглубже засунул серебро в карман и вышел из постоянного двора.

Постоялый двор располагался в самом сердце оживлённого квартала, так что найти лавку по душе не составило труда. Впрочем, Чжао Сюэхань не собирался тратить деньги на сладости, как советовал Янь Кэ. Вместо этого он подошёл к лотку книготорговца на углу, выбрал несколько дешёвых рукописных списков и разменял тяжёлое серебро на медную мелочь.

Дела были сделаны, а солнце стояло ещё высоко. Немного подумав, Чжао Сюэхань приметил скромную чайную, заказал чайник покрепче и устроился за грубо сколоченным столиком прямо на улице, погружившись в чтение купленных свитков.

Приобретённые книжицы оказались сборниками местных слухов, городских легенд и преданий о нечисти. Чжао Сюэхань бегло пролистывал страницы, пытаясь выудить из вороха суеверий крупницы полезных знаний об устройстве этого мира. Кое-где встречались даже примитивные описания техник культивации и управления дыханием-ци. Читая их, он невольно вспомнил деревянную бадью, которую расколол сегодня утром.

Отложив свиток, он водрузил глиняную пиалу точно по центру стола. Чжао Сюэхань принялся напряжённо всматриваться в глину, отчаянно пытаясь пробудить ту неведомую силу, что разнесла дерево в щепки. Но сколько бы он ни дул на чашку, как бы ни размахивал руками и ни тужился, посуда оставалась цела и невредима — на её боках не появилось даже крошечной трещины.

Он тяжело вздохнул.

«Похоже, самому мне в этих премудростях не разобраться, — Чжао Сюэхань с досадой

отодвинул чашку. — Придётся всё-таки просить Янь Кэ научить меня».

Подвинув пиалу обратно, он вновь развернул свиток. Убирая сдачу за пазуху, Чжао Сюэхань внезапно наткнулся пальцами на небольшой, туго завязанный сверток.

Он вытащил его наружу и развязал узлы. Внутри оказалась аккуратная пачка бумажных талисманов, исписанных киноварью, и горсть гранёных разноцветных камешков. Судя по всему, эти вещи принадлежали прежнему Демоническому владыке. Камешками, если верить прочитанному в свитках, были не чем иным, как духовными камнями. А вот талисманы...

Чжао Сюэхань выудил один, повертел перед глазами, разглядывая то так, то эдак.

Полнейшая бессмыслица. Ни единого знакомого знака.

Пока он в замешательстве потирал подбородок, пытаясь разгадать назначение магических писем, с противоположной стороны улицы донёлся резкий, дребезжащий удар гонга. Чжао Сюэхань поднял голову. Оказалось, прямо напротив чайной на скорую руку соорудили деревянные подмости. Завсегдатаи заведения тут же принялись разворачивать свои плетёные стулья к импровизированной сцене. На помост поднялись музыканты с диковинными инструментами в руках, готовясь начать представление.

Аккуратно завернув талисманы обратно в ткань, Чжао Сюэхань убрал сверток за пазуху и вместе со всеми устремил взор на сцену.

Перед рампой стоял массивный деревянный пюпитр. Подбежавший мальчишка-подмастерье с треском перевернул плотный лист бумаги, на котором крупными мазками было выведено название пьесы: «Рождение демонического меча».

Какой-то человек вышел к краю сцены, призывая толпу к тишине, а затем резко взмахнул рукой. Тотчас грянул нестройный, оглушительный гомон дудок и трещоток.

На подмости, нелепо кривляясь, выкатился актёр в ядовито-пурпурном халате. Его лицо было густо покрыто белилами, словно маска, а непричёсанные волосы свисали грязными паклями. Пропев пронзительным, завывающим голосом краткое вступление, он замер в картинной позе и, комично качая головой, затянул речитатив:

— Я сирота без рода и племени, и неведомо мне, где я явился на свет! Сто лет назад я истребил до единого бессмертных из клана Тигриной Мощи, а полвека назад вырвал с корнем клан Синего Дракона! Нет в трёх мирах того, кто не трепетал бы, услышав моё имя! Но ныне, вожделя демонический меч, я дрожу пред величием бессмертного мастера Ду Суму!

Актёр картинно приложил ладонь ко лбу и завыл пуще прежнего:

— О, горестное бремя моих забот! И это я — грозный Демонический владыка Чжао Сюэхань!

Чжао Сюэхань едва не поперхнулся чаем. Он невольно коснулся собственного лица, растерянно думая:

«Неужели я и впрямь выгляжу настолько убогим и мерзким?»

Тем временем ярмарочный «Демонический владыка» принял ещё несколько напыщенных поз и шутовской трусцой скрылся за занавесом. Его место на сцене занял старец в тёмно-синем даосском одеянии. Он чинно усадился на пол, скрестив ноги в медитации, и прикрыл глаза.

В наступившей тишине оркестр внезапно разразился яростным грохотом медных тарелок. Старец распахнул глаза и со скорбным гневом возопил к небесам:

— Чжао Сюэхань! Как смеешь ты предавать меня!

В то же мгновение он прикрыл рот широким рукавом, незаметно раскусывая припрятанный мешочек. Когда рукав опустился, старик с силой выплюнул струю алой краски, щедро залив дощатый помост. Издав хрип, он завалился набок и замер в нелепой позе мертвеца.

Подбежавшие помощники торопливо уволокли тело за кулисы. На сцену вновь выскочил шутовской Демонический владыка. Сжимая в руках бутафорский клинок, он крутанул пару неловких сальто и принялся размахивать оружием, изображая яростный бой с невидимым противником.

— Ду Суму издох! Какая славная, славная кончина! — выкрикивал он на ходу, брызжа слюной.
— И ныне этот меч принадлежит лишь мне!

Пел шут откровенно скверно, но его акробатические кульбиты с деревянной саблей пришлось толпе по вкусу — зрители одобрительно загудели и захопали.

На сцену выбежали новые актёры, изображая врагов. «Демонический владыка» сделал несколько хвастливых выпадов, и нападавшие, послушно изображая сокрушительное поражение, с театральными воплями покатались по сцене и скрылись за кулисами.

— О, великое оружие! Несравненный клинок! — восторженно вопил шут, после чего подбросил деревянный меч высоко вверх. К рукояти, судя по всему, была привязана тонкая леска, с помощью которой помощники за кулисами ловко утянули бутафорию под потолок.

Актёр проводил меч растерянным взглядом и скорчил идиотскую мину:

— Постойте... А где же мой меч?

Сидящий в чайной Чжао Сюэхань беззвучно хлопнул себя ладонью по лбу. Каким же беспросветным кретином выставляли его эти бродячие комедианты!

Оставшись без оружия, «Демонический владыка» растерянно понурил голову и поплёлся прочь. Спустя мгновение на подмостки скользящим шагом вышел другой актёр.

Его лицо тоже было выбелено, но сам он с ног до головы был облачён в траурные белые одежды, отчего выглядел жутко и безжизненно. В его руках покоился тот самый «исчезнувший» клинок. Изобразив на лице крайнее изумление, новоприбывший медленно обнажил бутафорское лезвие и принялся благоговейно рассматривать его под разными углами.

— Какое сокровище! Какая невероятная мощь! — причитал он, цокая языком и вертя в руках раскрашенное дерево. — Если бы этот клинок принадлежал мне...

На сцену вновь выкатились те же побитые статисты. Один из них, грозя пальцем, закричал во всё горло:

— Безумец! Это демонический меч! Не позволяй его тёмной воле завладеть твоим разумом!

В ответ белолицый лишь искажил лицо в хищном оскале и сделал широкий взмах клинком. Несчастные воины тут же повалились на доски и покатались с подмостков.

Однако один из них остался лежать на сцене. Приподнявшись на локте, он дрожащей рукой указал на безумца:

— Ты... ради этой проклятой стали ты вырезал сотни праведников из Школы Чистого Света и Школы Первозданной Истины! Ты пролил кровь собственных братьев! Неужели твоё сердце не ведает раскаяния?!

Белолицый безумец разразился диким, торжествующим хохотом:

— Окропить клинок кровью?! Что в этом дурного! — Он впился в оружие безумным, полным вожделения взглядом. — С этим мечом я стану единовластным Владыкой трёх миров! Какое мне дело до жизней жалких ничтожеств из мелких сект?

— Старший брат! — в отчаянии воскликнул поверженный воин.

Но злодей остался глух к мольбам. Он безжалостно взмахнул мечом, и несчастный, издав предсмертный хрип, скатился со сцены.

Убийца поспешно скрылся во тьме кулис. На подмостках вновь появился убитый ранее старец. Он уселся прямо на доски сцены, горестно вздыхая и сокрушённо качая головой.

— О горе мне, горе! — Актёр с силой колотил кулаками по доскам сцены, стеная на весь квартал: — Какое проклятие я навлёк на свой род?! Мой лучший ученик, гордость Школы Первозданной Истины... совершил такое злодеяние! О небеса!

За его спиной из полумрака, словно бесшумный призрак, вырос давешний белолицый предатель. Он бесшумно занёс бутафорский клинок над головой скорбящего учителя.

Старец резко обернулся и, завидев убийцу, в гневе вытянул руку:

— Проклятый отступник! Отныне ты мне не ученик!

Белолицый не проронил ни слова. Он с размаху вонзил бутафорский клинок под мышку старику. Тот задержался в фальшивой агонии, в очередной раз ловко раскусил припрятанный за щекой мешочек с краской и щедро оросил лицо своего «ученика» алой жижей.

Забрызганное кровью лицо убийцы выглядело по-настоящему жутко. Он с торжествующим хохотом вырвал деревянный клинок.

Старик, собрав последние силы, широко распахнул слабеющие глаза и, угасая, прохрипел прямо в лицо злодею:

— Вэнь Тяньдун! Ты сгниёшь в преисподней!

Чжао Сюэхань замер с пиалой у самых губ.

Он во все глаза смотрел на залитого краской шута, безумно скалящегося со сцены, и в его памяти мгновенно ожил образ утончённого, ласкового юноши, который совсем недавно сидел у его постели и осторожно касался его лица тонкими пальцами.

Безумный душегуб на подмостках и тот нежный, улыбчивый юноша... В голове не укладывалось, как эти два противоположных образа могли принадлежать одному человеку.

«Путь демонического совершенствования коварен. Никогда не верь лицу заклинателя. Тот, кто кажется невинным ягнёнком, возможно, уже вырезал под корень десяток деревень».

Чжао Сюэхань отчётливо вспомнил предостережение таинственного голоса, прозвучавшего в его разуме сразу после перерождения.

Мёртвого старца утащили за кулисы, а исполнитель роли Вэнь Тяньдуна бесшумно скрылся в тени. Спустя мгновение он и шутовской Демонический владыка сошлись в центре сцены. Они принялись усердно крутить колеса и звенеть бутафорским оружием, изображая эпическую схватку за обладание артефактом.

Толпа зевак взревела от восторга — глупые кривляния и фальшивые речи уступили место весёлой акробатике. Отовсюду посыпались аплодисменты и одобрителные выкрики. Но сквозь этот шум Чжао Сюэхань уловил отчётливый, резкий звон разбитой посуды. В ту же секунду над толпой разнёсся яростный юношеский голос, мгновенно перекрывший гул толпы:

— Что за дешёвый балаган?! Всё враньё! Мой шишу никогда бы так не поступил!

Аплодисменты разом стихли. Актёры на сцене застыли с полуподнятыми мечами. Чжао Сюэхань повернул голову на звук. В дальнем, неприметном углу чайной стоял молодой парень в белых одеждах. На вид ему было не больше пятнадцати-шестнадцати лет: утончённые черты лица, выразительные миндалевидные глаза, не лишённые природного изящества. Сейчас этот юноша буквально дрожал от гнева, метая молнии в сторону подмостков, словно готовый прямо сейчас ринуться в бой и проучить лживых комедиантов.

За его столиком сидели ещё несколько молодых людей в точно таких же белых облачениях. Лица их были мрачны. Один из них, судя по всему, старший и самый рассудительный в этой группе, нахмурился и строго оборвал юношу:

— Прекрати немедленно. Не позорь нас.

— Учитель! — Юноша резко развернулся к нему, негодуя указывая пальцем на сцену. — Неужели вы позволите этим бродяжкам так бессовестно клеветать на шишу?!

Мужчина медленно поднялся со своего места. Он возвышался над учеником на целую голову, излучая холодную, непреклонную уверенность старшего по званию бессмертного.

— Ты когда-нибудь видел старшего брата Вэня своими глазами? — негромко, но веско спросил он.

Юноша на мгновение опешил, но тут же горячо возразил:

— Разумеется, я... шишу совсем не такой, как они...

— Дерзость! — Лицо мужчины потемнело от гнева, а голос опустился до ледяного шёпота. — Этот отступник предал нашу школу и бесследно исчез несколько десятилетий назад. Откуда тебе знать, каков он?!

— Но я действительно... — попытался вставить слово юноша, но под тяжёлым, предостерегающим взглядом наставника осёкся. Он виновато опустил голову и молча сел обратно, не смея больше проронить ни звука.

— Прошу простить моего неразумного ученика за невоздержанность, — вежливо произнёс мужчина, повернувшись к подмосткам и сложив ладони в уважительном приветствии. —

Пожалуйста, не обращайтесь внимания, продолжайте представление.

Актёры на сцене недоумённо переглянулись, а затем вяло возобновили прерванный бой. Но былая атмосфера праздника безвозвратно испарилась. Обменявшись ещё парой ленивых ударов, они поспешно поклонились притихшей толпе и скрылись за кулисами.

Чжао Сюэхань молча наблюдал за тем, как театральные служащие принялись приводить в порядок замусоренную сцену. Он слегка покачал глиняный чайник — на донышке оставалось всего пара глотков. Пожалуй, ему тоже пора было возвращаться на постоянный двор.

В этот момент подмастерье у пюпитра лениво перевернул ещё одну страницу сценарного листа. К удивлению Чжао Сюэханя, там значилось название следующего действия: «Демонический владыка созерцает цветы».

Зрители, уставшие от заунывной драмы, заметно оживились. Ещё до того, как актёры вышли на сцену, толпа разразилась улюлюканьем и весёлыми хлопками, предвкушая нечто куда более фривольное.

Чжао Сюэхань с грустной улыбкой наблюдал, как на помост вновь ковыляет давешний карикатурный «Демонический владыка». На этот раз его растрёпанные волосы были туго затянуты в нелепый хвост на затылке. Следом за ним на сцену выпорхнули несколько девиц в вызывающе ярких, дешёвых нарядах.

«Демонический владыка» принялся бесстыдно тискать девиц, осыпая их сальными шуточками и двусмысленными намёками, что вызвало дружный хохот среди подвыпившей толпы. В разгар этого весёлого непотребства на сцену вновь выплыл актёр, игравший Вэнь Тяньдуна. Он уже успел сменить окровавленный халат на пёстрые шелка и смыть с лица фальшивую кровь. С кокетливой улыбкой он грациозно прильнул к боку «Демонического владыки», изгибаясь всем телом и откровенно заигрывая с ним под одобрительный свист толпы.

Чжао Сюэхань уставился на сцену, чувствуя, как внутри него закипает глухое раздражение. Покачав головой, он решительно поднялся со своего места. Вдогонку ему донёсся залиvistый, жеманный смех со сцены — актёр, изображавший Вэнь Тяньдуна, повис на шее шутовского «Демонического владыки» и звонко поцеловал его в щеку.

Слушая доносившиеся со сцены пошлые завывания и глупые остроты, Чжао Сюэхань чувствовал себя на редкость паршиво. Это не было обидой или злостью, скорее — вязким, липким чувством неловкости и смутного беспокойства.

Уходя, он мимоходом бросил взгляд на столик, за которым недавно сидели разгневанные юноши в белом. Но те места уже заняли другие зеваки — те заклинатели давно ушли.

К постоянному двору Чжао Сюэхань подошёл уже в сумерках. Вдоль дорог одна за другой загорались масляные лампы, окутывая улицу тёплым золотистым сиянием. Скользнув мимо

шумной толпы в обеденном зале, он поднялся по скрипучей деревянной лестнице и толкнул дверь своей комнаты.

Внутри царил полумрак. В комнате никого не было — Янь Кэ ушёл, не оставив и следа.

<http://bllate.org/book/19675/2002850>